

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КЪ О В И Д І Ю.

Овидій! Я живу близъ тихихъ береговъ,
Копорымъ изгнанныхъ опеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оспавиль.
Твой безошрадный плачь мѣста сіи прославиль:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмль;
Еще швоей молвой наполненъ сеи предѣль.
Ты живо впечатлѣль въ моемъ воображенѣ
Пустыню мрачную, поэша започенье,
Туманный сводъ небесь, обычные снѣга
И крашкой шеплошой согрѣшые луга.
Какъ часто, увлеченъ унылыхъ струнь игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидіи, за шобою!
Я видѣль швои корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженны близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждешъ шѣвца любви жеспокая награда:
Тамъ нивы безъ шѣнен, холмы безъ винограда;

Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны ,
Тамъ хладной Скиѣи свирѣпые сыны ,
За Пспромъ ушаясь , добычи ожидающъ ,
И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожающъ .
Преграды нѣшь для нихъ : въ волнахъ они плывущъ
И по льду звучному безрешенно идущъ .
Ты самъ (дивись , Назонъ , дивись судьбѣ превратной !
Ты , съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни рашной ,
Привыкнулъ розами вѣнчать свои власы
И въ нѣгѣ провождашь безпечные часы) ,
Ты будешь принужденъ взложитъ и шлемъ тяжелой ,
И грозный мечъ хранишь близъ лиры оробѣлой .
Ни дочерь , ни жена , ни вѣрный сонмъ друзей ,
Ни музы , легкія подруги прежнихъ дней ,
Изгнаннаго пѣвца не усладяшь печали .
Напрасно граціи стихи твои вѣнчали ,
Напрасно юноши ихъ помнятъ наизусть :
Ни слава , ни лѣша , ни жалобы , ни грусть ,
Ни пѣсни робкія Октавія не тронуть ;
Дни старости твоей въ забвеніи пошонуть .
Златой Италіи роскошный гражданинъ ,
Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ ,
Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь ;
Ты въ шажкѣ горести далекой дружбѣ пишешь :

« О возвратите мнѣ священный градъ опцовъ
 И пѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О други! Августу мольбы мои несите!
 Карающую длань слезами отклоните!
 Но если гнѣвныи богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ не выдашь себя, великин Римъ;
 Послѣднюю мольбою смягчая рокъ ужасной,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харишь,
 Твое уныніе и слезы укорись?
 Кто въ грубой гордоспи прочтешъ безъ умиленья
 Си элегіи, послѣднія шворенья,
 Гдѣ ты свой щещепныи спонъ попомству передалъ?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ и собою и жизнью недовольный,
 Съ души задумчивой, я нынѣ посѣпилъ
 Сшрану, гдѣ грустныи вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ шобои мечпы воображенья,
 Я повшорилъ швои, Овиди, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя карпины повѣрлялъ;
 Но взоръ обманушымъ мечшаньямъ измѣнялъ.

Изгнаніе швое плѣняло вшайнѣ очн ,
Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
Здѣсь долго свѣшится небесная лазурь ;
Здѣсь крапко царспвуешь жестокость зимнихъ бурь.
На скиѣскихъ берегахъ переселенець новый ,
Сынъ юга , виноградъ блиспаешь пурпуровый.
Ужь пасмурный декабрь на рускіе луга
Слоями разспилала пушистые снѣга ;
Зима дышала шамъ : а съ вешней теплотою
Здѣсь солнце ясное кашилось надо мною ;
Младую зеленью песпрѣлъ увядшіи лугъ ;
Свободныя поля взрывалаъ ужь ранніи плугъ ;
Чушь вѣяла вѣшерокъ , подь вечеръ холодѣя ;
Едва прозрачный ледъ , надь озеромъ шускнѣя ,
Кришпалломъ покрывалаъ недвижныя спруи .
Я вспомнилъ опышы несмѣлые швои ,
Сей день , замѣченный крылашымъ вдохновеньемъ ,
Когда шы въ первый разъ ввѣралаъ съ недоумѣньемъ
Шаги свои волнамъ , окованнымъ зимой :
И по льду новому , казалось , предо мной
Скользила шѣнь швоя , и жалобные звуки
Неслися издали , какъ помный спонъ разлуки .
Ушѣшься : не увялаъ Овидіевъ вѣнецъ !
Увы , среди шолпы зашерынный пѣвецъ ,

Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній :
И, жертва шемная, умрешь мои славыи геній
Съ печальной жизнью, съ минушною молвой! . . .
Но если, обо мнѣ попомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искашь въ странѣ сей опдаленной
Близъ праха славнаго мои слѣдъ уединенной :
Бреговъ забвенія оставя кладну сѣнь ,
Къ нему слешить моя признательная шѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранишся же завѣшное преданье :
Какъ шы, враждующей покоршвуя судьбѣ ,
Не славою , учаспью я равень былъ тебѣ.
Здѣсь, лирои сѣверной пущыни оглашая ,
Скишался я въ шѣ дни , какъ на брега Дуная
Великодушныи Грекъ свободу вызывалъ :
И ни единыи другъ мнѣ въ мѣръ не внималъ ;
Но чуждые холмы , поля и рощи сонны
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.